

Надежда Ланская

Покорители драконов

<https://litres.ru/74630434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повествование о несломленном человеке ,о том как распахнуть дверь туда, где воздух другой, и дать герою шанс не «забыть», а найти новый смысл. Не сбежать от боли, а встретить что-то настолько огромное и дикое, что она перестанет быть единственной правдой в его мире.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Надежда Ланская

Покорители драконов

Глава 1

Взрыв

Я открыл глаза — и мир исчез. Вокруг была лишь сплошная, густая тьма, будто сама реальность стёрлась. Мой корабль падал в чёрную пустоту, и в заднем иллюминаторе вселенная казалась скручивающимся, заворачивающимся внутрь себя гигантским вихрем, пожирающим самого себя. Впереди зияла бездонная чернота.

Двигатель молчал. Звонящая тишина давила на уши, становясь почти осязаемой. В невесомости предметы медленно парили, будто застыв в нерешительности перед неизбежным. Последнее, что я помнил, — чудовищный взрыв, толчок такой силы, что челнок выбросило ударной волной. Меня швырнуло о переборку, сознание погасло, и что было дальше — я не знал.

Чёрная дыра? Значит, конец близок.

Мысль о спагеттификации невольно вызвала жалкую улыбку. Превращаться в бесконечную нить из собственных тканей мне вовсе не хотелось. Но поделаться с этим я ничего не мог.

Единственное, что пришло в голову, — погрузиться в анабиоз, в искусственную кому: умереть тихо, спокойно, во сне, не чувствуя, как кошмар разворачивается во всей своей чудовищной полноте. К счастью, на челноке была медицинская капсула. Вот только как её запустить — я, хоть убей, не помнил.

Что вызвало этот чудовищный взрыв? Внешние факторы или что-то внутри корабля? Ответа не было. Судя по силе удара, вряд ли кто из экипажа выжил. Как уцелел я — осталось загадкой, терзавшей сознание.

И тут я вспомнил как здесь оказался : перед сном мне вдруг захотелось увидеть лица тех, кого я любил. Но планшет с фотографиями остался в челноке . В тот день мы спустились на планету в системе Проксима Центавра, чтобы собрать образцы. Я между делом снимал пейзажи, которые запали в душу, — для личного альбома. Планшет так и остался лежать на моём сиденье.

Я вышел из своей каюты и потихоньку пробрался на челнок, прикрыв за собой люк. Почему-то в тот момент мне отчаянно захотелось побыть здесь, в темноте и тишине, наедине с воспоминаниями. Нашупав в темноте свой планшет ,я устроился в кресле пилота, включил его и начал листать фотографии. Именно тогда и грянул взрыв. Ударной волной челнок швырнуло в открытый космос, а меня поглотила тьма.

В памяти вспыхнули образы, неужели все они погибли:

командир корабля, суровый молчаливый воин. Второй пилот - одинокий молодой человек Биолог ,она же врач по совместительству - фанатик космических путешествий .Бортинженер ,он же специалист по связи - потерявший всю семью на пожаре. Анна, наш астрохимик, одержимая мечтой услышать голос иных миров. Я до сих пор вижу эту сцену: она распахивает дверь — вся в возбуждении, с глазами, горящими таким светом, будто в её лаборатории только что зажглась новая звезда. Я стоял с подносом, принёс ей ужин, а она, не дав и слова сказать, захлопнула дверь прямо перед моим носом.

— Не мешай! Я обнаружила такое! Такое! — донёсся её голос, срывающийся от волнения, и в нём было столько восторга, что даже обида не успела родиться. Она кричала, не объясняя, что именно нашла, будто само слово «открытие» уже было слишком громоздким для её переполненных чувств.

Возможно, её эксперименты и стали причиной катастрофы. Или же взорвалась сама планета, на орбите которой мы висели. Других версий у меня не было.

Время на часах шло как обычно — прошло всего несколько секунд. А мне показалось, что минули часы. Я снова взглянул в иллюминатор: вселенная сжалась в одну яркую точку.

Наверное, пора заняться капсулой, пока ещё есть время. Свет в иллюминаторе погас. Горизонт событий был пройден.

А я всё ещё жив — но это была лишь отсрочка. Дальше приливные силы начнут расти, разрывая пространство и материю, и в конце концов уничтожат и челнок, и меня.

Напоследок я снова открыл планшет. Хотелось в последний раз увидеть любимые лица перед тем, как мир окончательно исчезнет.

Земля

Всё началось с череды роковых событий, которые постепенно вытравили из меня желание оставаться в этом мире. Они и толкнули меня на путь дальних странствий.

Я блестяще окончил геофизический факультет и устроился в крупную компанию, где занимался исследованиями в области возобновляемой энергии. Карьера шла вверх, я отдавал работе всё свободное время и многого добился. Из родных у меня осталась только мама — отец ушёл из жизни давно.

Мама мечтала о внуках.

«Когда же ты наконец займёшься своей личной жизнью?» — вздыхала она. «У тебя всё есть: ты обеспечен, на хорошей должности. Пора забыть прошлое и найти себе добрую, милую девушку, которая станет тебе женой, а мне подарит внуков. Я ведь не вечна. А ты совсем один. Так я хотя бы буду спокойна, что ты не один, и смогу уйти, когда придёт моё время».

«Мам, ну что ты! Ты будешь со мной всегда!» — я обни-

мал её, целовал, а по её щекам текли слёзы.

Под «прошлым» она имела в виду девушку, с которой я встречался с первого курса. Я так и не решился предложить ей руку и сердце. Она была из обеспеченной семьи, избалованная вниманием и деньгами. Для меня она стала всем, а для неё, видимо, была лишь надёжной опорой — не более. Все каникулы и выходные она проводила в Италии или на горнолыжных курортах. У меня не было средств, чтобы сопровождать её, а ездить за её счёт не позволяли гордость и чувство собственного достоинства.

После университета я ушёл в армию, служил в десантных войсках. Её звонки становились всё реже, а потом и вовсе прекратились. В один день она сообщила, что выходит замуж, — и моё сердце разбилось на осколки. Я замкнулся, перестал отвечать на звонки друзей и знакомых, если это не касалось работы. Единственным человеком, который оставался рядом, была мама.

Мне исполнилось тридцать. Я оставался убеждённым холостяком, но купил нам с мамой просторную квартиру с видом на море — три комнаты, светлая гостиная. Мама взялась за обустройство, а я не мешал, предоставив ей полную свободу. В бытовых вопросах я был не силен.

Однажды я, как обычно, задержался на работе и забыл предупредить маму. Когда закончил дела, с удивлением заметил, что она не звонила и не писала, как делала всегда. С тревожным предчувствием я помчался домой. Звонил в

дверь — никто не открывал. За дверью стояла глухая тишина. Я открыл своим ключом и увидел её, лежащую на полу.

Скорая констатировала смерть от сердечного приступа. Мама никогда не жаловалась на сердце и избегала врачей, поэтому болезнь осталась незамеченной до самого конца.

Похоронив её, я остался совсем один. Мир потускнел, душу жгло чувство вины: если бы я пришёл вовремя, если бы настоял, чтобы она сходила к врачу, если бы уделял ей больше внимания... Эти «если бы» терзали меня днём и ночью, погружая в беспросветную тоску.

Домой идти не хотелось. Я практически переехал на работу. Коллеги пытались помочь, звали в гости, на праздники, но я отказывался. Так прошло почти три месяца.

Однажды вечером я всё же решил зайти домой — нужно было забрать кое-какие вещи и немного пройтись, чтобы собраться с мыслями. Путь лежал мимо набережной. Море волновалось, отражая бурю в моей душе. Вдруг снизу, у воды, я услышал жалобное скуление. Перегнувшись через перила, взгляделся в темноту и увидел маленького белого щенка, мечущегося по берегу. Он явно потерялся.

Я торопливо спустился по лестнице, прошёл вдоль берега и нашёл его — мокрого, дрожащего, жалобно скулящего. Щенок радостно завилял коротким хвостиком и бросился ко мне. Я присел на корточки. Он прыгал, пачкая песком мою одежду, облизывал руки.

«Ты потерялся? Какой же ты мокрый! Ну не хнычь. Сей-

час пойдём домой и покормим тебя».

Я взял его на руки. Маленький мокрый комочек доверчиво прижался, дрожа всем телом. Искать хозяина ночью не имело смысла — я забрал его с собой. По дороге купил молока и собачьего корма. В гардеробе нашёл старую куртку, постелил её на полу рядом с кроватью. Щенок немного попил молока, зарылся носом в рукав и уснул.

Осмотрев его, я решил, что ему месяца два-три. Белый, с рыжими пятнами, короткий хвостик — скорее всего, джек-рассел-терьер. Я пообещал себе, что завтра начну искать хозяина.

Но хозяин не нашёлся. После двух недель поисков я решил оставить щенка себе. Он оказался бесстрашным, понятливым, не пакостным и ходил за мной хвостом. Я назвал его Икаром — за его бесстрашие и прыгучесть. Он совершенно не боялся высоты. Мне нравилось учить его трюкам и командам: он схватывал всё на лету.

Теперь мне приходилось вставать пораньше, мчаться домой в обеденный перерыв и не задерживаться вечером. Каждое утро мы спускались к морю и бегали по пляжу. Когда-то я серьёзно занимался пятиборьем — фехтованием, плаванием, бегом, стрельбой, верховой ездой. Но последние годы забросил тренировки, набрал вес, расслабился из-за сидячей работы и неправильного питания.

Обратить внимание на себя меня заставила девушка, которая каждое утро бегала по набережной. Она легко обгоня-

ла меня, оставляя далеко позади. Икару она явно нравилась: он бросал меня и весело нёсся за ней. А я пыхтел, задыхался, пытался их догнать.

Через пару месяцев ежедневных пробежек одышка пропала, вес начал уходить, а жизнь понемногу налаживалась. Мы подружились с Кристиной — так её звали. Блондинка двадцати семи лет, стройная, с тонкими чертами лица, она работала дизайнером в архитектурном бюро. Из родных у неё была только тётушка, с которой она жила в небольшой квартирке.

Наши утренние пробежки переросли в дружбу, а потом мы стали неразлучны. Но дальше дружбы дело не шло. Я всё чаще думал об этом, но мой нерешительный характер срывал слова.

А потом снова вмешался рок.

Икару уже было больше года. Он обожал гоняться за птицами на набережной, подпрыгивал, лаял, но никогда не причинял им вреда. В тот злосчастный день ремонтники открыли колодец и огородили его лентами, а сами отошли в тень, что-то обсуждая. Икар заметил стаю голубей, мирно клевавших крошки на асфальте, и кинулся в атаку. Стая взлетела, пёс подпрыгнул — и рухнул в открытый колодец.

Я услышал только короткий, предсмертный визг. Бросился к колодцу, надеясь, что всё обойдётся. Ремонтники опередили меня. Один из них быстро спустился по узкой металлической лестнице, вытащил Икара и, потупив глаза, тихо

сказал: «Там очень глубоко, внизу один бетон. Ничего нельзя было сделать».

Он отдал мне безжизненное тело моего пса. Приложил ухо к груди — сердце не билось.

Я похоронил Икара в небольшом лесочке под развесистым деревом на берегу моря за городом. Кристина была рядом, плакала, не могла остановиться. А я словно окаменел — не мог выразить ни боли, ни горя. Только чувство вины жгло изнутри: почему не держал на поводке, почему позволял бегать без присмотра?

Видимо, моя скованность и пустота в глазах заставили Кристину остаться у меня на ночь. Она гладила мои волосы, прижимала к себе, как маленького ребёнка. Я уткнулся ей в плечо — и вдруг слёзы хлынули из глаз: от беспомощности, злости на себя, от невыносимой тяжести потери. Перед глазами встала мама — она утешала меня так же, когда я был ребёнком.

Кристина ничего не говорила, просто держала меня. Так я и уснул в её объятиях.

Проснулся далеко за полночь. Пошевелился и увидел её лицо — участливое, родное, единственное. В порыве чувств я прошептал ей всё, что накопилось в душе, и мы предались любви. Уснуть удалось только под утро.

Когда я проснулся, в квартире было тихо. Лежанка Икара исчезла. Видимо, Кристина убрала её, чтобы не бередить рану. В прихожей щёлкнула дверь — вошла Кристина с па-

кетом снеди и фруктов.

«Давай позавтракаем. Пробежку сегодня можно отменить. На работу тебе не надо, давай займёмся чем-нибудь: прогуляемся по городу, сходим в кино, поднимемся в горы, устроим пикник... Или просто пойдём на море?»

Она так хотела отвлечь меня от грустных мыслей. Но выйти на набережную без Икара было выше моих сил.

Я посмотрел на неё с нежностью, и жгучее желание вспыхнуло внутри.

«А может, просто поваляемся на диване? Или на кровати?»

В её глазах мелькнула озорная искра.

«Давай сначала позавтракаем, а потом уж всё остальное».

Дни шли, мы становились всё ближе. И наконец я решился. В «Картье» я купил кольцо, предварительно измерив ночью, пока Кристина спала, её палец ниткой — на большее сообразительности не хватило. В тот же вечер я позвал её в ресторан.

«Что за повод?» — с интересом спросила она. «Вроде все дни рождения и праздники прошли?»

«Есть повод», — лукаво улыбнулся я.

«У меня тоже есть повод», — парировала она.

«Ну вот и славно! Значит, произведём обмен», — рассмеялся я.

Вечер выдался тёплым. Мы сели за столик на веранде с видом на море — я заранее забронировал его. В ведёрке охла-

ждалось её любимое «Просекко». В бокале поднимались пузырьки, переливаясь всеми цветами радуги.

Подошёл официант, поставил салаты и закуски, и тишина между нами стала звенящей.

«Кристина, — начал я, — мы вместе уже полгода. Пришла пора узаконить наши отношения».

Я встал, опустился на одно колено, протянул маленькую коробочку.

«Выходи за меня. Я не умею говорить красиво, но я люблю тебя и хочу быть с тобой всегда».

Вокруг нас все замолчали. Посетители уставились на Кристину. Наступила томительная пауза. Я всё ещё стоял на колене, протягивая коробочку.

Она подняла на меня счастливые глаза и одними губами прошептала: «Я согласна».

По веранде прокатился облегчённый вздох, а затем раздались несмелые аплодисменты, быстро переросшие в бурные овации и поздравления.

Я смущённо поднялся, оглянулся и поблагодарил всех присутствующих. Кристина открыла коробочку, надела кольцо и высоко подняла руку, показывая его всем. Снова зазвучали аплодисменты.

«Не слишком публично?» — тихо прошептала она.

«В самый раз!» — рассмеялся я. «Теперь жду твоё признание в ответ».

Она смутилась, замолчала на мгновение, а потом очень

тихо сказала:

«Я была у врача. Он сказал, что у меня будет ребёнок».

На секунду я потерял дар речи. Это было естественно, но так неожиданно. Я подхватил её на руки и прижался к её губам.

«Это будет наша тайна, никому не говори. Я люблю тебя и уже люблю нашего малыша!»

Вечер удался. Счастливые и довольные, мы вернулись домой. На следующий день подали заявление на регистрацию брака. Дату назначили через месяц, на конец лета. Месяца хватало, чтобы всё подготовить.

Друзей у нас было немного, родственников и того меньше. Решили устроить торжество в узком кругу, а после уехать в круиз по Атлантике — в медовый месяц.

Подвенечное платье

Беременность Кристины протекала спокойно, без осложнений. Срок был небольшой, и она могла выбрать платье по фигуре — это её невероятно радовало. Дни напролёт она проводила с подругами: искала идеальное платье, подбирала букет, выбирала место для торжества, придумывала приглашения... Список был бесконечным.

Я не вмешивался, лишь кивал в ответ на её идеи. Так, в радостных хлопотах, дни пролетали незаметно. До свадьбы оставалось три дня.

Пару недель назад Кристина заказала подвенечное платье

у портнихи в маленьком городке неподалёку. Портниха славилась своими работами, но была на последних месяцах беременности и почти не брала заказы. Кристине всё же удалось её уговорить. Правда, примерку приходилось делать у неё дома.

В тот день они с подругой собрались забрать заказ. Я хотел поехать с ними после работы, но Кристина умоляла меня не делать этого:

«Это плохая примета — увидеть платье до свадьбы!»

«Я не буду на него смотреть. Просто закроешь его чехлом».

«Пожалуйста, не ездь. Вдруг одно твоё присутствие активирует плохую примету? Не спорь со мной. Я аккуратно съезжу сама. Да и нам с подругой надо поболтать — ты будешь мешать».

Девушки рассмеялись, сели в кабриолет и уехали. Я стоял и смотрел им вслед, и вдруг сердце сжало холодное предчувствие. Торопливо набрал номер Кристины.

— Алло, милый! Ты уже соскучился?

— Будь осторожна, не гони. И обязательно отзвонись, когда будете выезжать оттуда. Я уже жалею, что послушал тебя и не поехал с вами. Может, ещё не поздно, вернись за мной?

— Милый, возвращаться — тоже плохая примета. Ничего не случится. Мы ездили туда уже три раза за последние две недели. Что за мрачные мысли? Всё будет хорошо! Скоро я растолстею и не влезу за руль, тогда ты станешь моим лич-

ным шофёром!

Она положила трубку. У меня немного отлегло от сердца. Я поднялся в кабинет и продолжил работать. Начальница, пышная брюнетка бальзаковского возраста, нагрозила меня по полной:

«Скоро ты отчалишь, милый друг, и я закопаюсь в делах. Так что будь добр, поработай ещё пару дней за себя и за меня».

Что я мог на это ответить?

Наконец рабочий день закончился. По дороге домой мне нужно было зайти в супермаркет — Кристина просила кое-что купить к ужину. В магазине было шумно, и я не услышал её звонок.

Придя домой с пакетами, я увидел пропущенный вызов и решил перезвонить. Трубку взял незнакомый мужчина. Это был полицейский.

Он сообщил, что произошла авария: одна девушка погибла на месте, вторую увезли на скорой в городскую больницу.

Я оцепенел. На секунду показалось, что это чья-то нелепая шутка.

— Вы слышите меня? — голос полицейского стал громче.

— Девушку водителя увезли в больницу. Езжайте туда.

— Как это произошло? — я не узнал собственный голос.

— Лобовое столкновение. Какой-то лихач вылетел им в лоб. Машина перевернулась, пассажирка погибла на месте.

По дороге в больницу я молил всех богов, чтобы Кристина

осталась жива. Не помня себя, влетел в вестибюль.

— Вам только что привезли девушку с ДТП, Кристину Гордон! Что с ней, где она?!

Регистратор посмотрела на экран компьютера.

— Нет, такой девушки нам не привозили. Вот только эту,
— она указала на удаляющуюся по коридору каталку.

Я бросился догонять. Догнал уже у дверей лифта.

— «Кристина! Доктор, с ней всё хорошо?!» — я кричал, словно одержимый, и мой голос эхом раскатывался по вестибюлю, разбиваясь о холодные стены. Люди оборачивались, кто-то шептал, кто-то отводил глаза, но мне было всё равно.

По дороге меня резко остановил за руку врач — высокий, с усталыми, но твёрдыми глазами.

«Успокойтесь. С ней всё будет хорошо. Я только что её осмотрел. Сейчас главное — не мешать нам работать».

Его слова должны были принести облегчение, но вместо этого лишь царапнули сознание: он сказал «с ней», а не «с Кристиной». Будто между этими словами уже пролегла пропасть.

Каталку закрывала широкая спина санитаря, и я не видел Кристину. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Я подскочил вплотную, почти прижался к каталке, будто мог силой воли прорвать эту живую преграду. Двери лифта открылись с тихим, почти издевательским шипением, и в проёме мелькнуло лицо — но не её. На каталке лежала подруга Кристины, бледная, с закрытыми глазами, опутан-

ная проводами и трубками.

Мир на секунду замер, а потом рухнул.

Я отшатнулся, будто меня ударили. Всё внутри оборвалось, и на смену панике пришла ледяная пустота.

— Где Кристина? — прошептал я, хотя уже знал ответ. Голос звучал глухо, будто доносился откуда-то издалека.

Врач посмотрел на меня с той особой смесью сочувствия и профессиональной отстранённости, которая бывает у тех, кто слишком часто приносит плохие вести.

День свадьбы наступил, как наступает рассвет после самой долгой ночи — неизбежно и жестоко. Мы похоронили Кристину в подвенечном платье: оно казалось теперь не символом счастья, а саваном, сотканным из несбывшихся надежд.

Я хотел положить её рядом с мамой — там, где среди белых камней и тихого шелеста листвы ей было бы спокойно, где я мог бы приходить и говорить с ними обеими. Но тётушка Кристины настояла на фамильном склепе их семьи. Я не спорил. У меня не осталось сил ни на споры, ни на чувства.

На похоронах я стоял, будто за стеклом: звуки доходили приглушённо, лица расплывались, слова соболезнований скользили мимо, не задевая. Я кивал, произносил что-то вежливое, автоматически благодарил — и не видел никого вокруг. Мир сжался до узкой полоски асфальта, до края могилы, до белого платья, которое теперь выглядело не празд-

ничным, а бесконечно одиноким.

Когда всё закончилось, я пошёл прочь, не оглядываясь. Ветер трепал волосы, холодный и равнодушный, как сама судьба. Где-то вдалеке смеялись дети, где-то кто-то говорил о пустяках, но для меня этот шум был чужим, из другой жизни — из той, где Кристина ещё бежала по набережной, обгоняя меня, а Икар радостно прыгал ей вслед.

В тот вечер я впервые понял, что боль не всегда кричит. Иногда она просто выстуживает всё внутри, оставляя после себя пустоту, в которой даже воспоминания становятся тяжёлыми, как камни.

Похмельное утро.

Телефонный звонок долбил по голове, раскалывая виски. Я не мог разлепить глаза, поэтому нащупал телефон где-то рядом.

— Александр, ты меня слышишь? — голос начальницы звучал неестественно бодро. — Ты должен срочно приехать на работу. Ты в состоянии? Ну, если не сегодня, то край — завтра. Это очень важно! И в первую очередь для тебя. Тем более что твой отпуск закончился ещё неделю назад.

Я молча отключил звонок.

В голове стучало, мутило, перед глазами стояла серая пелена. Сколько дней продолжался этот запой, я понял только сейчас — из слов начальницы. Больше трёх недель.

Доковыляв до ванной, я несколько раз запнулся об пу-

стые бутылки. В квартире царил хаос: упаковки от пищи, стеклянные бутылки из-под виски, пластиковые из-под колы, пакеты, коробочки — всё валялось на полу. Я машинально огляделся в поисках чего-нибудь выпить, но бутылки были все пустые.

«Что она от меня хочет? Зачем зовёт? Уволила бы — и всё. Всем было бы проще».

В аптечке нашёлся аспирин. Я проглотил две таблетки, не запивая. В комнате было темно и душно. «Надо проветрить помещение... и мозги», — подумал я и шагнул к балконной двери.

Яркий солнечный свет ударил по глазам. Из открытых дверей пахло свежим морским бризом. Жизнь продолжалась. Всё так же ярко светило солнце, с криками носились чайки. Мир не изменился. Изменился только я.

Долго стоял под холодным душем. В зеркале отражался осунувшийся незнакомец: щетина, запавшие глаза, будто из него выкачали все силы. Я побрился, почистил зубы. Потом сварил крепкий кофе и нашёл в холодильнике засохший круассан. Сознание медленно прояснялось, мысли становились чётче.

Набрал номер начальницы:

— Здравствуйте. Вы звонили мне.

— Да, Александр. Кое-кто хотел бы с тобой встретиться. Думаю, это тебе крайне необходимо. Почему-то мне так показалось. Скажи, когда ты приедешь, — я организую встре-

чу.

— Вы настаиваете? — я попытался мягко отмахнуться.

— Настаиваю. Это очень важно и крайне необходимо.

— Хорошо. Завтра я буду на работе. Сегодня не смогу, простите.

— Хорошо, Александр. Завтра буду ждать тебя на рабочем месте. Не опаздывай и не подведи меня. Я за тебя поручилась. Ок?

Я отключил трубку и рухнул на кровать, провалившись в тяжёлый сон без сновидений.

На следующее утро чувствовал себя гораздо бодрее: голова не кружилась, не тошнило. По дороге зашёл в кафе и наскоро перекусил.

На работе меня встретили именно то, чего я так боялся: сочувственные взгляды коллег. Сел за стол и рассеянно уставился в тёмный экран монитора. «Надо написать заявление на увольнение», — мелькнула мысль.

— Доброе утро, — раздался голос начальницы. Я лишь кивнул. — Ты на месте? К тебе гости.

Она деликатно затворила за ними дверь, оставив нас наедине.

В моём кабинете стояли двое. Высокий протянул руку:

— Александр, здравствуйте!

Второй, пониже ростом, но очень спортивного телосложения, молча кивнул в знак приветствия.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — я уставился им

прямо в лицо.

— Вас порекомендовала ваша шеф как крутого специалиста и знатока своего дела. Мы ищем сотрудника вашей профессии. Ваша шеф думает, что именно вы нам идеально подходите. Речь идёт об очень длительной экспедиции. Очень-очень далеко.

Наступила пауза. Я испытующе смотрел на них, ожидая продолжения. Они так же молча рассматривали меня.

Наконец тот, что пониже, прервал молчание:

— Мы проверили ваше досье. Вы спортсмен, прошли военную подготовку. Нам вы идеально подходите. Не хотите узнать детали?

— Эта экспедиция связана с риском?

— Несомненно. Это экспедиция к системе Проксима Центавра.

— В космос?

— Да. Конечно, не сразу. Минимум полгода подготовки, возможно, чуть больше.

— В чём будет заключаться моя работа?

— В поисках и анализе новых видов топлива, радиоактивных металлов. Команда из семи человек. Путь до Проксимы займёт около четырёх лет. Возможно, это будет билет в один конец. Подумайте. Даю вам неделю на размышление.

Высокий поднялся, давая понять, что разговор окончен, и протянул мне руку.

— Нет. Мне не нужна неделя. Это слишком долго! — хо-

тел добавить: «И невыносимо оставаться здесь», но сдержался. — Я дам ответ завтра утром.

— Ну что ж, по рукам. Завтра утром я позвоню вам. А лучше вот, возьмите мою визитку — наберите сами, как будет готов ответ.

Я кивнул. Мужчины попрощались и вышли.

Звёздная экспедиция... Космос всегда манил меня своей неизведанностью и тайной. «Возможно, это будет билет в один конец. Это именно то, что мне необходимо!»

Мне не нужно было ждать до завтра — решение уже было готово: тихое, холодное, но окончательное. Я достал визитку и набрал номер:

— Это Александр. Я принимаю ваше предложение.

Я полечу в межзвёздную экспедицию. Улечу туда, где миллиарды холодных звёзд молча взирают на тебя, где горизонт событий стирает прошлое, где чёрные дыры пожирают свет, а тишина становится абсолютной. Может быть, среди звёзд я наконец перестану слышать её голос. Или, наоборот, научусь жить с ним.

Глава 2

Миллиарды звезд

Темнота. Не просто отсутствие света — она давит, как густая смола.

Мой корабль падает — нет, не падает, а несётся. Не по прямой, а как будто по трубе, которую крутит и ломает. В заднем иллюминаторе Вселенная сворачивается в воронку, а потом вдруг рассыпается на полосы света, будто кто-то рвёт небо на ленты. Впереди — мрак, и он не статичен: он дышит, пульсирует, будто живой.

«Чёрная дыра?» — проносится в голове, но что-то внутри противится этой мысли. Слишком странно ведёт себя пространство. Пока корабль тащит сквозь эту странную пустоту, я начинаю понимать: это не чёрная дыра. Это что-то совсем другое. Кротовая нора. Туннель. И я в нём. Но куда он ведёт? И выберусь ли я?

Двигатель молчал. Не просто не работал — будто его и не было. Я не чувствовал ни тяги, ни вибрации, ни привычного гула системы. Только этот странный, тягучий покой, который пугал больше любого рева турбин.

Челнок не летел — его несло. Как будто само пространство стало рекой, и я был её течением.

Я вцепился в подлокотники кресла, хотя в невесомости это ничего не меняло. Просто рукам нужно было за что-то

держаться, чтобы не поверить окончательно, что меня больше ничего не держит.

За иллюминатором тьма пошла рябью. Сначала это были просто полосы света, тонкие, как царапины на стекле. Потом они начали сплетаться в узоры, которые не складывались ни в какие созвездия. Это были не звёзды. Это было что-то другое.

А потом пространство перед носом челнока словно... распахнулось.

Не взрыв, не вспышка — а именно раскрытие. Как будто кто-то потянул за край невидимой ткани, и она разошлась, обнажая то, что пряталось за ней.

Там, впереди, разворачивалась другая вселенная. Или другое измерение — я не знал, как это назвать. Передо мной светились миллиарды новых незнакомых созвездий. Новый таинственный мир.

Передо мной встала дилемма — заводить двигатель или дрейфовать в свободном пространстве.

Я включил панель приборов. Заряд аккумуляторов челнока был полный. На пару тройку дней хватит. Подзарядку дадут солнечные батареи. Но все равно для дальнего путешествия не подойдет. У меня нет запасов еды и воды. Навигация здесь не работала. На ум опять пришла медицинская капсула. Но я отбросил эту мысль — буду искать и не сдаваться пока хватит ресурсов.

Вопрос только — что искать? И где?

Сначала я заметил большую звезду: она висела, как раскалённый шар, заливая половину неба янтарным светом. Вокруг неё кружились планеты, и их орбиты сплетались в сложный узор.

Потом взгляд зацепился за что-то странное сбоку. Там, почти вплотную к этой золотой стене, висела другая картина: холодное, голубое солнце и планеты вокруг него.

Две системы. Так близко, что казалось, будто они вот-вот столкнутся. Но не сталкивались. Держались на какой-то тонкой грани.

Я смотрел на это, и в голове медленно складывалась простая мысль: если я хочу остаться целым, мне нельзя туда, где жарко и ярко. Мне нужно туда, где тихо. Система сканирования показала, что возможно одна из планет имеет экосистему схожую с Землей. Но все это требовало визуальной проверки.

Пальцы сами потянулись к панели.

— Курс на меньшую систему, — сказал я, хотя никто меня не слышал. — и завел двигатель.

Новый мир

Моих пилотских навыков, полученных в центре подготовки за длинный, монотонный год, вполне хватило, чтобы довести челнок до орбиты. Сверху планета выглядела как голубой шар — чуть меньше Земли. Её поверхность пряталась

за плотной вуалью атмосферы, и мне оставалось только довериться приборам.

Сканер показал огромный, бескрайний океан и два материка в разных полушариях, разделённых колоссальным расстоянием. Один — огромный, весь испещрённый горными грядками, тёмный и безжизненный с огромной пустыней на юге Второй — поменьше, размером с Австралию, сплошь покрытый лесами, озёрами и извилистыми лентами рек.

Я сидел перед панелью, где на трёх экранах одновременно крутились карта, тепловой профиль и прогноз ветра. Корабль делал витки, и данные складывались в картину: не просто «планета», а живой механизм, где всё связано — ветер тянет облака, облака гасят жару днём и держат тепло ночью, горы ломают потоки, а два солнца задают ритм, который здесь заменяет времена года.

Голос ИИ звучал буднично: — Подтверждаю: постоянных полярных ледяных щитов нет. Сезонные снежные покровы возможны только в высокогорье. Среднегодовая температура поверхности — около 35°C , сезонные колебания — в пределах $5\text{--}10^{\circ}\text{C}$. Это не зима и лето в земном смысле, а «жарче» и «чуть менее жарко. — Стабилизация орбиты завершена. Первичный скан активен. Радиус планеты — $0,85$ земного, гравитация — $0,7\text{ g}$. Атмосфера плотная, состав близок к земному. Инсоляция повышенная: суммарный поток — $1,25$ солнечной постоянной.

Я не отрывал взгляда от экрана визора, где поверх пейза-

жа ложились метки: «Термический пик: экватор, +38 °С», «Облачный фронт: прибрежная зона, высота 3,2 км», «Высокогорные ледники: пики >4,5 км».

Корабль сделал плавный виток, и картина изменилась: теперь оба солнца оказались по одну сторону, и равнина внизу вспыхнула двойным светом. Тени стали длинными и раздвоенными — каждая вещь отбрасывала две.

ИИ спокойно добавил: — Суточный цикл — 23,5 часа. Двойная освещённость создаёт выраженные «двойные дни» и сглаженные ночи. Риск теплового стресса повышен. Рекомендация: высадка в утренние часы, умеренные широты.

На третьем экране крутилась анимация циркуляции атмосферы: мощные муссонные потоки, устойчивые пассаты, зоны турбулентности над пустынями. Я смотрел на эти линии и видел не графики, а маршруты: где можно сесть, где лучше не задерживаться, где ветер будет толкать корабль, а где — бить в борт, как кулак.

Корабль снова вышел на дневную сторону, и оба солнца ударили в иллюминатор сразу, так ярко, что на секунду в кабине стало светлее, чем днём на Земле.

Я решил спуститься ниже и облететь оба материка, чтобы оценить их визуально. Попутно активировал датчики экосистемы.

Первым в прицеле оказался гигантский материк. Его высокие чёрные горные цепи напоминали хребет исполинского зверя — сплошные гряды, увенчанные шапками вулка-

нов. Между ними бежали узкие речушки, кое-где зеленела редкая растительность. Многие склоны были залиты застывшей лавой и припорошены пеплом. Сейсмическая активность здесь зашкаливала: один из вулканов как раз выпускал густые чёрные клубы дыма. На юге чернела огромная пустыня.

Я приблизил картинку, выискивая площадку для посадки — подальше от вулканов, поближе к растительности. Наконец взгляд зацепился за большое ровное плато.

— Вот сюда, — сказал я скорее себе, чем приборам. — Попробуем здесь.

Вдруг небо надо мной потемнело, будто на планету мгновенно опустилась ночь. И тут панель сканеров взвыла. Не просто писк, а тревожный, режущий ухо вой — такой бывает только при обнаружении объекта критической массы. Я дёрнулся к экрану. На радаре вспыхнула огромная отметка: она двигалась по нисходящей дуге и перекрывала почти весь сектор обзора. Сканеры не могли определить тип объекта — только его чудовищный размер.

Тень накрыла челнок сверху. Она не просто закрыла солнце — она будто выпила из мира весь свет. В кабине стало темно, как в глубокой пещере, хотя снаружи всё ещё был день.

Я поднял взгляд к верхнему иллюминатору — и увидел закрывшее всё небо надо мной чёрное чешуйчатое брюхо зверя. Когтистые лапы, огромные крылья... Он пикировал пря-

мо на меня. По размеру он был раз в десять больше моего челнока. Меня спасла его медлительность. Я схватил штурвал и стремительно швырнул челнок вниз, к морской синеве.

Челнок врезался в воду. Удар был чудовищный, но мой малыш устоял. Под водой стало тихо. Не спокойно, а именно тихо — как будто мир затаил дыхание. Свет сверху пробивался сквозь толщу воды, рисуя на стенах кабины дрожащие узоры.

«Может, пронесло?, — мелькнула мысль. — Надеюсь, он не умеет плавать».

Что это было? Летучий динозавр? Или, проще говоря, дракон? Я попал в сказку или в мир юрского периода? Час от часу не легче.

Я продолжал двигаться под водой, опасаясь повторного нападения. Мир вокруг завораживал. Я сбавил скорость и решил осмотреться. Огромные стаи ярких, дивных существ — скорее всего, рыб — расплывались в разные стороны от моего челнока. Дивный, непуганый мир. Челнок расталкивал корпусом огромных искрящихся медуз с длинными щупальцами. Вода насыщенного синезелёного цвета была кристально чистой — всё было видно на большом расстоянии.

Я посмотрел на приборы: подо мной была бездна — более двадцати миль. Так я двигался около двух часов, любясь местными красотами, пока радар не показал впереди почти отвесную стену.

— Надо взлетать и осмотреться, — пробормотал я.

Вдруг сканер опять жалобно завыл. А потом что-то огромное пронеслось мимо, взбаламутив воду так, что челнок закрутило. Я увидел широкое, бочкообразное тело с лапами и коротким хвостом. На конце хвоста располагался небольшой ромбовидный плавник. Кожа была гладкой, без видимой чешуи, со складками и морщинами, а шея — очень длинной. Животное напоминало плезиозавра, длиной метров двадцать. Он развернулся, набирая скорость для нового захода, и я увидел острые зубы и глаза, горящие холодным огнём.

— Вверх! — прохрипел я, врубая всё, что ещё могло дать тягу. — Вверх, сейчас же!

Челнок рванулся вверх, пробивая толщу воды. Мы вылетели, как пробка, и снова оказались в воздухе.

Позади меня тянулся бескрайний океан — от горизонта до горизонта, тёмносиний, почти чёрный, с длинными, тяжёлыми волнами. Впереди был такой же океан, но совсем другого цвета — яркобирюзового. Как будто кто-то провёл невидимую нить. На экране чётко проступала резкая граница. Слева — тёмносиняя гладь: большая глубина, чистая вода, почти без взвеси. Справа — яркая бирюза, как на старых снимках тропических лагун.

Я тут же понял: здесь — пропасть, провал, а там — мелководье. Песок, коралловые отмели, вода буквально отражает свет. Сканер подтвердил: глубина всего пять-семь метров, прозрачность высокая. Можно не опасаться морских чудо-

вищ. Надеюсь, и летучих тоже.

Впереди показалась тонкая полоса суши.

— Вот оно, — выдохнул я. — Там можно сесть.

Я долетел до второго материка. И впервые за всё это время мне стало чуть спокойнее: мир давал понятные знаки.

Первая посадка

Суша впереди не выглядела как спасение. Это была стена — высоченная, отвесная. Серая, слоистая, будто кто-то нарочно сложил её из гигантских плит, уложенных косо, одна на другую. Из трещин торчали пучки жёсткой травы, цеплявшейся за камень так, будто знала: если отпустит — её сорвёт первым же порывом.

А наверху шумел лес: высоченные кроны стеной стояли до самого обрыва. Там, где земля обрывалась в пропасть, корни этих великанов выползали наружу — толстые, узловатые, как вздувшиеся вены. Они цеплялись за край скалы, удерживая лес над бездной.

А внизу, зажатая между океаном и этой неприступной грудью скалы, теснилась узкая полоса прибрежного песка.

Я провёл челнок по дуге, ещё раз оглядывая окрестности. Лес внизу казался сплошной зелёной стеной — густой, непролазной, будто сама планета нарочно спрятала под ним всё, чего не хотела показывать. Стволы-исполины уходили в небо, кроны цеплялись друг за друга, а между ними не было

ни поляны, ни хоть сколько-нибудь ровной прогалины. Приземлиться там? Нет, спасибо. Слишком много теней, слишком много мест, откуда может выскочить кто-то, кому не понравятся гости.

А вот этот обрыв... он нравился мне всё больше. Огромный выступ, будто кто-то отколол кусок скалы и оставил аккуратную полку. Площадка ровная, высоко над прибоем — волны бесились внизу, взбивая пену, но сюда не доставали. И главное — в стороне от леса. Не вплотную к этой живой стене, не под её тяжёлыми корнями, а отдельно, как будто сама природа сказала: «Тут можно».

В толще скалы чернел проём — прямоугольный, слишком ровный для обычной пещеры. Зияющая чернота, в которую спокойно влез бы мой челнок. Идеальное место. Почти.

— Идеальное, — пробормотал я, замедляя ход и зависая над площадкой. — Но сначала проверка. Никаких «почти» в деле посадки.

Я щёлкнул тумблером внешнего сканера, и на панели побежали строчки. Но прежде чем уткнуться в цифры, я выдохнул и заставил себя не торопиться. Здесь, на границе камня, воды и леса, спешка могла стоить слишком дорого.

— Ну-ка, — тихо сказал я, скорее себе, чем машине. — Что у нас за бортом? Температура, кислород, радиация ... давай всё по порядку.

Система отозвалась привычным коротким писком, будто тоже была рада, что мы не полезли в чашу. На экране всплы-

ли данные:

Температура: 39,7 °C — жарко, но терпимо, если не задерживаться снаружи

Влажность: 68 % — воздух тяжёлый, липкий, как тёплая мокрая ткань.

Кислород: 21,3 % — норма, можно дышать без фильтров.

Давление: 1,03 атм — почти как дома

Токсичность: не обнаружена.

Движение крупных объектов в зоне посадки: нет.

Радиационный фон: в пределах нормы. Естественный уровень. Источников ионизирующего излучения не обнаружен

Я чуть наклонил челнок, чтобы прожектор скользнул по чёрному проёму. Луч упёрся в какой-то предмет в темноте и будто утонул в нем — не отразился, не высветил стены, а просто исчез. Это мне не понравилось. Совсем.

— Ладно, — снова пробормотал я. — Посмотрим что это за штука

Сканер продолжал щёлкать данными, а я смотрел вниз, на площадку. Она казалась спокойной. Ни следов когтей, ни воронок от взрывов, ни странных куч. Просто камень, нагретый солнцем, и тень от выступа, которая падала на него, как одеяло.

Лес наверху шумел, перекаывая звук между стволами. Птицы кричали, но их голоса звучали не угрожающе, а как обычный шум чужого мира — громко, хаотично, но без лич-

ной злости. А внизу, у подножия скалы, волны били в камень, и этот ритм был почти успокаивающим: раз-два, раз-два. Как будто сам океан говорил: «Садись. Тут можно».

— Ещё немного, — прошептал я, выравнивая челнок над площадкой. — Сначала досмотрим сканирование. Потом решим.

На панели мигнул индикатор: "Сканирование пещеры: завершено. Угрозы не обнаружено"

Пора садиться.

Посадка прошла почти гладко. Я прижал челнок поближе к скале. Загнать его в пещеру, как в гараж? Нет. Это может оказаться ловушкой.

Голод напомнил о себе. На челноке был небольшой запас еды и воды — на всякий случай. Я с жадностью накинулся на еду и уничтожил порцию в два присеста. Этого показалось мало, и я достал ещё. В довершение трапезы сварил чашку кофе и не спеша выпил, собирая мысли в кучу.

Итак, что же мне делать дальше? Мысль о том, что я попал в юрский период, прочно засела в голове. Значит, рано или поздно меня сожрут, и впереди — одиночество и жизнь в страхе. И тут меня будто толкнуло изнутри: бортовой журнал.

Я чуть не выругался — тихо, сквозь зубы, без злости, просто от досады на собственную забывчивость. Я не зафиксировал ничего из того, что со мной произошло. Не попытался связаться ни с кораблём, ни с Землёй, хотя и понимал втай-

не, что это невозможно. Но вести журнал я был обязан.

Связь дальней космической связи, конечно, не работала. В эфире стояла полная тишина — не лесная, живая, а мёртвая: ровная, пустая, без единого шороха помех. На спектрограмме — чёрная полоса и надпись: «Нет соединения. Канал недоступен».

Сухо и кратко я записал все свои злоключения, стараясь привязать события к минутам и часам. Хотя сколько прошло времени — двенадцать или двадцать четыре часа — я не мог сказать навскидку. Часы показывали 14:00. И только сейчас я понял, как невероятно устал. Но на этой планете не было ночи — это я уже понял. Только подобие сумерек, когда одно светило уходит, появляется появляется другое.

Планшет отвлёк меня от дальнейших умозаключений. Лица любимых напомнили, что я оставил позади. Я разложил кресло в кровать и провалился в сновидения. Наступил мой первый день в этом мире.

Я допил кофе и поставил пустую чашку на край панели. Она чуть звякнула, и этот обычный, домашний звук вдруг странно успокоил. В кабине челнока пахло разогретым металлом, пылью и чуть-чуть — кофейной горечью. Здесь всё было знакомо, всё на своих местах. И от этого казалось, что мир ещё не совсем сошёл с ума.

Значит, вперёд.

На всякий случай я надел лёгкий скафандр и шлем, достал из сейфа лазерное оружие, собрал в рюкзак запас кислорода,

воды, еды, зажигалку и аккумулятор. На пояс нацепил клинок, фонарь и ручной сканер. Покрутил в руках рацию: «Зачем она мне?» — пронеслось в голове. Потом достал самонаводящуюся гарпунлебёдку с подъёмником. Включил аэробот — разведывательный дрон. Он ещё мог работать и как переводчик. Ну, мало ли? Вдруг пригодится. Сунул в ухо наушник для связи с дроном. Активировал напоследок на челноке сигнал SOS.

«Где наша не пропадала!» — мысленно усмехнулся я и открыл люк в этот новый, незнакомый мир.

Глава 3

Первый контакт

Люк пошёл вверх. Я сделал шаг наружу и остановился. Возникло дикое желание снять шлем, но разум уговаривал не спешить. Датчик на руке показал стабильность показаний — они совпадали с данными с челнока, — и я рискнул. Щёлкнул фиксатором и поднял стекло. Меня накрыло жаром — густым, смолистым, с привкусом соли и чего-то дикого, незнакомого.

Я вдохнул полной грудью, привыкая, и шагнул на камень. Первый настоящий вдох получился глубоким, почти жадным. Воздух был чуть тяжелее земного, чуть суше, но без той колючей сухости, которая дерёт горло. В нём чувствовались минеральные нотки — словно ветер только что пробежал по горячим камням и принёс их дыхание сюда, на эту площадку.

Площадка оказалась твёрдой и тёплой, как нагретая плита. Под ногой хрустнул мелкий камешек. Я пнул его, и он покатился к краю, а потом сорвался вниз, звеня по уступам. Я проследил взглядом, как он прыгает по выступам, пока не исчез в белой пене у подножия.

Пещера смотрела на меня чёрной пастью. Теперь, с площадки, она казалась не такой огромной — просто тёмный проём в скале. Внутри было прохладно и сухо. «Хорошее

жилище, — отметил я про себя. — Может, ещё пригодится».

Недалеко от входа лежал огромный камень явно не природного происхождения. Он напоминал яйцо. Я внимательно присмотрелся: да, это было яйцо. Сканер не подтвердил наличие жизни, а пыль на нём и вокруг доказывала, что оно лежит здесь не один десяток лет и давно окаменело.

Больше в пещере ничего интересного не нашлось. Лезть по узким расщелинам вглубь скалы я посчитал ненужным. Меня больше интересовал лес.

Я проверил гарпунлебёдку привычным движением: провёл пальцем по сенсорной панели на рукояти, убедился, что индикатор заряда горит ровным зелёным светом, а система самонаведения уже сканирует поверхность скалы. Устройство было не просто тросом и крюком — это был компактный штурмовой модуль: гарпун с микросервоприводами, лебёдка с регулируемой тягой и встроенный подъёмник, который мог тянуть ровно или рывками, подстраиваясь под вес и рельеф.

— Ну, давай, — тихо прошептал я, будто подбадривая не механизм, а самого себя. — Без фокусов.

Выбрав точку повыше — узкую трещину между слоями тёмного камня, где порода выглядела монолитной, — я прицелился не глазами, а доверился системе. На внутренней стороне забрала шлема высветилась полупрозрачная сетка, и маленький крестик сам скользнул к самой надёжной точке сцепления. Я нажал спусковую клавишу.

Гарпун ушёл вперёд с резким, сухим хлопком — не как выстрел, а как уверенный удар. Зубцы раскрылись в полёте, и в момент касания сервоприводы повернули их под идеальным углом к породе. Ещё секунда — и система подала короткий вибросигнал: сцепление зафиксировано, нагрузка в норме.

Теперь — лебёдка. Я пристегнул карабин страховочной петли к кольцу на поясе, проверил, чтобы трос лёг без перекрутов, и перевёл модуль в режим подъёмника. На экране рукояти мелькнули цифры: «Тяга — 87 %, компенсация рывка активна».

— Поехали, — выдохнул я и оттолкнулся от уступа, увешанный всем своим снаряжением и оружием.

Трос натянулся не рывком, а ровно — будто кто-то очень сильный и очень аккуратный взял меня за плечи и потянул вверх. Подъёмник работал плавно, но ощутимо: чувствовалось, как механизм берёт на себя большую часть веса, оставляя мне силы держаться и смотреть по сторонам. Я скользил вдоль стены, не цепляясь руками за каждый выступ, а выбирая точки, куда поставить ногу, пока лебёдка делала главное.

На середине подъёма я на секунду замер, чтобы осмотреться. Отсюда площадка казалась крошечной, челнок — игрушечным, а лес внизу — сплошной тёмной массой, в которой прятались чужие звуки. Скала рядом была совсем близко: я чувствовал, как от камня тянет теплом, будто порода хранила дневной жар и теперь отдавала его в прохладный

воздух.

— Ещё немного, — пробормотал я, кивая самому себе.

Система тут же отозвалась: «До точки высадки — четыре метра. Угол подъёма оптимален».

Я снова оттолкнулся, и подъёмник потянул меня выше. Теперь я видел край выступа — неровный, с обломанными краями, будто кто-то когда-то вырубал здесь ступени. Ещё пара секунд, ещё один плавный рывок — и ботинки упёрлись в камень. Я нащупал опору, потянулся и рывком перевалился на площадку.

Встал и огляделся. Выступ был не таким уж большим, но отсюда открывался вид и на океан, и на посадочную площадку, и на тёмный зев пещеры. Теперь это была не просто точка на стене — это была моя позиция. База, с которой можно смотреть, слушать и решать, куда идти дальше. А над головой шумели пушистыми кронами гигантские хвойные деревья.

Сквозь джунгли пришлось пробираться с помощью клинка.

Шёл второй час моего путешествия по лесу. Ничего особо примечательного и страшного не произошло. Я видел огромных насекомых, змей, ящериц, зверьков наподобие бурундуков и великое множество птиц — больших и маленьких. Никто из них мной не заинтересовался, и на том спасибо.

Наконец деревья кронами полностью закрыли солнце, и заросли стали реже. Клинок был уже не нужен. По мере то-

го как местность понижалась, лес будто становился тяжелее: кроны нависали ниже, а воздух густел от прохлады низины.

Наконец лес расступился, и я вышел к голубому озеру, круглому, как блюдце, с водой прозрачной, как горный хрусталь. Озеро было мелким: песочное дно просматривалось насквозь. Пора было передохнуть.

Я расположился под кроной дерева и перекусил. Жара стояла просто невыносимая, будто сама планета пыталась выжать из меня последние силы. Провёл ладонью по лбу, стёр пот и уже хотел закрыть глаза на пару минут, как вдруг в ухе тихо щёлкнуло, и голос дрона резанул привычной, но сейчас особенно нужной чёткостью:

— Александр, периметр. Движение. Три объекта, пешие. Направление — 112 градусов, дистанция — 280 метров. Тепловизионный контур подтверждает биосигналы.

Я замер, не опуская руки. Сердце тут же переключилось на другой ритм — быстрый, собранный. Не звери. Люди. Или то, что ходит как люди.

В ту же секунду перед глазами мягко вспыхнула полупрозрачная проекция — очки с видеосвязью вывели картинку с аэробота. Вид сверху, слегка наклонённый ракурс, зелёная тепловая палитра. В густых зарослях действительно двигались три силуэта: тёплые пятна, размер — человеческий, походка ровная, без звериной рывковости. Один чуть впереди, двое следом, держат дистанцию. Они шли вдоль кромки леса, будто огибали озеро по дуге, и явно не спешили. Но в

этой неспешности было что-то расчётливое.

Я пригнулся, уходя в тень дерева, и постарался слиться с пятном густой листвы. Очки продолжали показывать картинку: три пятна двигались уверенно, будто знали, куда идут. И самое тревожное — они шли не наугад, они шли по моим следам, прямо к озеру. Прямо ко мне.

Сканер на запястье коротко пискнул, подтверждая данные дрона, а на HUD поверх картинки всплыли метки: «Объект 1», «Объект 2», «Объект 3», дистанция, азимут, скорость — всё ровно, без скачков. Аэробот держал высоту, не приближаясь вплотную, чтобы не выдать себя и аккуратно корректировал угол съёмки.

Я медленно, без резких движений, подтянул к себе рюкзак и проверил, легко ли вынимается клинок. Лазер повесил на шею. Дал приказ аэроботу: — режим «Защита». Держи сектор 15 метров. При угрозе — поставь щит, не применяй поражающие средства. Подтверди.

На очках вспыхнуло: «Режим: Защита. Щит: готов. Вооружение: резерв. Готовность: 3 сек».

Аэробот тем временем плавно сместился чуть правее, чтобы держать группу в кадре и не терять их за деревьями. На проекции мелькнула ещё одна строка: «Траектория сближения: вероятна встреча через 7–9 минут при сохранении курса».

Медленно поднялся из тени, стараясь не делать резких движений. Шлем я снимать не стал: не из страха, а потому

что не знал их целей.

Сделал шаг изпод кроны, и солнце тут же ударило по броне скафандра, заставив металл на миг вспыхнуть бликом. Ещё шаг. Ещё. Я шёл не спеша им навстречу, ровно, не отводя взгляда, но и не вглядываясь слишком пристально — так, как идут к тем, кого не хотят спугнуть.

Аэробот, повинаясь заложенному протоколу, тут же ушёл выше и тише, почти замер в воздухе, превратившись в едва заметную точку. На очках HUD приглушил метки, оставив только тонкую зелёную дугу по краю поля зрения — чтобы видеть дистанцию, но не отвлекаться на цифры.

Трое воинов замерли. Лидер чуть опустил меч, но не убрал — просто перевёл в нейтральную позицию, как держат оружие, когда не уверены, враг перед ними или нет. Двое других стояли неподвижно, будто вырезанные из камня.

Теперь я мог разглядеть их как следует. Они были выше обычного человека — метра два с лишним. Широкие плечи, литые мышцы, но без звериной грузности: в каждом шаге чувствовалась выучка, отработанная годами. В руках — короткие мечи. Не стальные, не железные. Костяные, отполированные до матового блеска, с зазубринами у основания, будто их специально затачивали не для рубки, а для того, чтобы клинок держался в ране. Форма напоминала гладиусы — римские мечи, только вместо металла — плотная, тяжёлая кость. Каждый из них двигался с пугающей лёгкостью. С моим ростом 185 я доходил им до плеча. Длинные золо-

тые волосы свободно падали на плечи, отливая в полуденном солнце чистым золотом, будто в них запутались лучи. Глаза необычного золотистого оттенка . Смуглая кожа . Черты лица правильные , даже можно сказать красивые . Кожаные доспехи плотно облегали торс, подчёркивая рельеф мышц, а на ногах — не тяжёлые сапоги, а лёгкие сандалии из толстой кожи, будто созданные для того, чтобы бесшумно ступать по камням и корням. Шлемы , видимо из кожи какой-то рептилии мягко поблёскивали, но забрали были подняты — лица воинов оставались открытыми, и от этого их изумление выглядело ещё откровеннее.

Они цеплялись взглядом за каждую деталь : за странный гладкий скафандр, за блеск визора, за непонятную форму рюкзака и пояса с приборами. В их позах не было агрессии. Скорее — ошеломление. Будто они увидели не врага, а явление, которое не умещалось в их привычную картину мира. Лидер чуть наклонил голову, словно пытался что-то расслышать .

Я остановился метрах в пятнадцати. Достаточно близко, чтобы они могли меня рассмотреть, и достаточно далеко, чтобы успеть отскочить, если что. Я медленно поднял правую руку — не в боевом жесте, не в угрозе, а ладонью вперёд, пальцы расслаблены. Простой, универсальный знак: «я не нападаю».

— Я не враг, — сказал я спокойно, хотя знал, что слова им вряд ли что дадут. — Я Александр ! – ударил ладонью себя в

грудь и еще раз повторил -Александр !

Тишина повисла между ними, густая, как местный воздух. Лидер перевёл взгляд с руки на мое лицо, потом на плечо, где мерцал маленький индикатор сканера — крошечный, но заметный в солнечном свете. Один из воинов справа тихо, почти шёпотом, произнёс что-то на своём языке — короткое, вопросительное, с приподнятой интонацией.

Лидер ответил ему на певучем мелодичном языке , и снова повернулся ко мне . Он не опускал меч, но угол его наклона стал чуть мягче. Потом он медленно, будто сам не веря, что делает это, поднял свободную руку и повторил мой жест — ладонь вперёд, пальцы расслаблены. Не как вызов, а как осторожное зеркальное отражение. И произнес длинную фразу на своем мелодичном языке ,также стукнув себя ладонью в грудь. Враждебности в его интонации не было .

В ухе тихо щёлкнуло, и голос аэробота прошептал, почти не нарушая тишины:

— Александр, переводчик фиксирует фоновые повторы. Идёт анализ фонетики. Предварительная оценка: язык тональный, много гортанных звуков. Стадия обучения — начальная.

На очках мелькнула полупрозрачная строка: «Анализ: 12 %». И всё. Ни перевода, ни смысла — только сухая констатация, что система пытается разобраться.

Я чуть наклонил голову — не поклон, а просто движение, чтобы показать, что я вижу этот ответный жест, что я его

понял.

Лидер смотрел на меня ещё несколько секунд, будто пытался прочесть не слова, а то, что прячется за ними. Потом опустил меч ещё на пару сантиметров, уже явно не как оружие, а как предмет, который просто привычно держать в руке.

Потом снова посмотрел на меня, уже не настороженно, а с тем особенным вниманием, с каким смотрят на что-то редкое и непонятное, но не страшное. Его золотые волосы чуть шевелил лёгкий ветер, а в глазах читалось не столько подозрение, сколько глубокое, почти детское любопытство: как будто он впервые увидел нечто, выходящее за пределы всего, что знал и снова поднял ладонь и показал мне жест, приглашающий идти. Он не торопил. Просто стоял, спокойный и твёрдый, как часть этого леса. Потом медленно провёл ладонью по воздуху — жест, который я уже начал понимать: «Пошли» Я кивнул: «Понял, пошли.»

Каменная башня

Я шёл следом за лидером, стараясь не сбивать шаг. Второй воин держался сбоку — не касаясь, но так, чтобы между нами не осталось ни сантиметра для ошибки. Третий замыкал цепочку. Они двигались не как конвоиры и не как друзья — как разведчики, которые знают: один неверный шаг может стоить всем жизни.

Тропа пошла под уклон, лес вдруг расступился — и мы снова оказались на берегу моря. На самом краю обрыва, за

высоким каменным забором, стояла башня: высокая, сложенная из тёмного камня, будто выросшая прямо из скалы. На плоской крыше под навесом застыли двое дозорных, неподвижные, как изваяния. Здесь, в отличие от места моей высадки, спуск к берегу был пологим, а на воде покачивалась огромная лодкаладь. У ворот замерли ещё двое воинов — неподвижные, внимательные.

Лидер повернулся ко мне. В его взгляде не было ни враждебности, ни теплоты — только сосредоточенность человека, который ведёт подопечного через опасную зону. Он приложил ладонь к груди, потом медленно повёл ею вперёд — не как приглашение, а как инструкцию: «Иди за мной. Точно по следу. Не отклоняйся».

До башни оставалось шагов двадцать, когда один из стражников у ворот чуть шевельнулся. Рука легла на рукоять меча. Но лидер не остановился. Он что-то прокричал на своём языке и поднял руку ладонью вверх — в простом, древнем жесте: «Мы не с оружием. Мы ведём». И указал на меня, чтобы стражник точно увидел: этот чужак пришёл не сам.

Гдето над склоном дрон бесшумно скользнул по дуге, фиксируя каждый жест, каждый поворот головы, каждый луч света на камне. А на очках бежала строка: «Сбор данных. Статус: активен. Защита включена». И этого было достаточно.

Ворота скрипнули и приоткрылись ровно настолько, чтобы впустить нас по одному. Лидер шагнул первым, чуть по-

вернул голову и едва заметно кивнул: «Теперь можно».

Передо мной открылся двор. Еще одна невысокая, но крепкая башня из того же тёмного камня, что и большая. Узкие длинные окна. Каменные строения — целый небольшой гарнизон. В дальнем конце двора, под навесом из больших толстых листьев, лежал серебристый ящер, свернувшись клубком, как котёнок. При нашем появлении он встрепнулся, поднялся и раскрыл огромные крылья. Его умные голубые глаза настороженно уставились на меня. Он шумно потянул воздух ноздрями и издал звук, похожий на крик дельфина. Размером он был со слона, но с длинным стройным телом; на спине виднелось что-то вроде седла. Лидер привычно крикнул ему на своём языке, и ящер послушно сложил крылья и лёг, не сводя с меня глаз. Внезапно он снова поднял голову — его встревожил мой дрон.

«Уходи на безопасную позицию, — прошептал я, — тебя заметили». Дрон послушно ретировался.

Двор постепенно наполнялся. Подтягивались воины в простых кольчугах и в более изящных. Через мгновение нас уже окружала толпа. Из невысокой башни вышел пожилой воин в изысканной кольчуге и торопливой походкой направился к нам. При его появлении дракон сразу встрепнулся и закрутился на месте как маленький щенок, поднимая несметные клубы пыли "Увидел хозяина"-решил я. Посередине двора стоял большой навес. Лидер жестом пригласил меня пройти туда, и все двинулись следом. Под навесом во-

круг длинного стола стояли каменные скамьи. Лидер указал мне место и сел рядом. Молодой воин принёс кувшины и глубокие чашки без ручек — посуду, напоминавшую морские раковины. Передо мной поставили чашку и наполнили её терпким прохладным напитком. Я с удовольствием выпил до дна, и мне тут же налили снова. На столе появились плоские раковины с плодами и снедью.

В наушнике ровно прозвучал голос дрона:— Направление — к побережью. Дрон держится над кромкой деревьев, вне видимости с берега. Пишем. Пока только сбор.

На очках привычно бежала строка: «Сбор данных. Статус: активен». Просто честный отчёт: система слушает.

Напротив меня сел пожилой воин — видимо, главный военачальник. На стол я положил клинок, и воины с любопытством уставились на него: судя по всему, с таким металлом здесь не были знакомы.

Лидер взял клинок и долго рассматривал, осторожно, будто боялся, что тот сам собой взвизгнет и порежет пальцы. Он поворачивал его дюйм за дюймом, и на лице читалось упрямое желание разгадать загадку: как эта штука вообще сделана? Второй воин наклонился ближе, чтобы разглядеть узор у гарды, и тихо выдохнул короткое слово — в нём слышались удивление и уважение. Ещё один воин смотрел не на лезвие, а на рукоять, на то, как она ложится в ладонь; его пальцы чуть подрагивали, будто сами хотели повторить этот хват.

Пожилой военачальник не тянулся к клинку. Он наблюдал

за своими людьми, будто оценивая не металл, а их реакцию: «Видите? Это не наш мир. Но мы с этим разберёмся». В его спокойствии чувствовался молчаливый приказ: не трогать, не пробовать рубить, не делать резких движений — сначала понять.

Даже воздух вокруг будто стал плотнее, будто сам металл тянул на себя внимание, заставляя всех стоять тише и смотреть внимательнее. Лидер провёл пальцем вдоль кромки, не нажимая, просто проверяя ровность, и поднял на меня глаза. Теперь в них было не подозрение, а тяжёлое, уважительное недоумение: «Ты пришёл с этим. Расскажи, как оно живёт».

Я снял шлем и положил на стол. По рядам воинов прокатился изумлённый шёпот, и вокруг шлема сразу сомкнулась плотная группа. Я вытряхнул из термोरюкзак все запасы и предложил угоститься, но желающих не нашлось. Затем разложил на столе все свои вещи — кроме лазера, который остался висеть у меня на шее, — жестом пригласив осмотреть их. Я не торопился: попивал напиток и наблюдал, как они осторожно изучают предметы, силясь понять их предназначение.

Моё внимание попрежнему занимал серебристый дракон. Своим поведением он напоминал большую дворовую собаку — и так же не спускал с меня глаз, чувствуя чужака.

Главный военачальник поднялся, что-то сказал лидеру и направился к дракону, зычно выкрикнув команду на своём языке. Дракон послушно встал, подошёл и подставил крыло.

Военачальник легко вскарабкался на спину, уселся в седле, и дракон, расправив крылья, легко взлетел. Сделав круг над крепостью, он улетел в сторону леса и исчез за кронами.

Лидер что-то сказал воинам, и толпа начала редеть: люди расходились по своим местам. Возле меня остались двое — видимо, охрана. Лидер сел рядом. Воспользовавшись паузой, я открыл планшет. Экран вспыхнул мягким светом, запустился ролик для первого контакта — без слов, на одних образах, чтобы любой разумный вид мог уловить суть.

На экране появилась Земля — живой шар. Облака кружились, как тонкая дымка. Океаны переливались синевой. По краю диска медленно ползла тень рассвета. Дальше — природа, животные, птицы. Потом люди: дети, взрослые, старики. Города. Улицы. Космодром: гул двигателей, клубы пара, стальная стрела ракеты, уходящей в небо. И наконец — долгий пролёт сквозь космос: звёзды, мерцающие, как холодные искры, далёкие туманности.

Лидер чуть наклонил голову, разглядывая светящуюся пластину. Он не потянулся к ней, но глаза его внимательно следили за картинкой.

Когда ролик закончился, он поднялся и жестом предложил следовать за ним. Охранники двинулись следом на небольшом расстоянии — ровно настолько, чтобы не мешать, но держать нас в поле зрения.

Мы прошли по территории крепости. За углом оказался ещё один навес — скрытый от глаз, будто специально спря-

танный в тени стены. Под ним стояли самые настоящие лошади — чуть крупнее и массивнее земных, но безошибочно узнаваемые. Один из них, самый большой жеребец, повернул голову в мою сторону, шумно втянул воздух и фыркнул — коротко, оценивающе.

Лидер шагнул к коню и положил ладонь на его шею — спокойно, будто успокаивая и зверя, и саму мысль о возможной опасности. Потом взял из корзины у входа кусок сушёного корнеплода и протянул мне — ладонью вверх, без спешки. Я принял угощение и посмотрел на него .

Он не пытался говорить на моём языке — только показал на животное, потом на лакомство. Я подошёл ровно настолько, чтобы конь мог дотянуться, если захочет. Протянул корнеплод на раскрытой ладони. Конь наклонил тяжёлую голову, осторожно взял лакомство тёплыми губами, хрустнул им и снова фыркнул — уже не насторожённо, а почти одобрительно.

Лидер тихо произнёс по слогам: «Э-ни-о» — похоже, это было имя или обращение к жеребцу. Он снова положил ладонь ему на шею. Я повторил: «Энио». На его лице мелькнуло подобие улыбки. Он одобрительно мотнул головой и постучал себя в грудь, старательно выговаривая по слогам: «Ал-ло-лио». Я снова повторил: «Аллолио». Тут он уже широко улыбнулся и выжидательно уставился на меня.

Я понял. Стукнув себя в грудь, произнёс по слогам: «А-лек-сандр». Аллолио старательно повторил за мной. Соче-

тание согласных далось ему нелегко, но он не сдался и повторил моё имя несколько раз. Я в ответ снова произнёс его имя, а потом, указав на жеребца, повторил : « Энио »

После этого Аллолио повёл меня вверх — по узкой каменной лестнице, спиралью уходящей к вершине сторожевой башни. Ступени были крутыми и выщербленными, и я старался не смотреть вниз, чтобы не выдать, что высота меня слегка тревожит.

Наверху, на площадке, ветер дул сильнее. Навес прикрывал от двух солнц, и жара отступила, будто здесь начиналась другая погода.

Передо мной открылась панорама: бухта, изрезанная узкими заливами; тёмные скалы, уходящие в море; леса, подступающие к самой кромке воды; а дальше, за холмами, — широкие равнины, над которыми дрожал горячий воздух. Вдали синела тонкая извилистая река.

Два солнца висели в небе: одно большое, второе — поменьше, чуть выше. Их свет ложился на землю двумя разными оттенками: один — золотой, другой — слегка голубоватый. От этого весь пейзаж казался одновременно знакомым и чужим, будто нарисованным другой рукой. Все предметы отбрасывали двойные причудливые тени.

Спустившись с башни, мы снова оказались под навесом. Вскоре пришёл молодой воин — в руках у него был большой дымящийся котёл, а за поясом торчал небольшой рог. Он поднёс его к губам и протрубил. Звук разнёсся по двору,

и воины стали собираться за столом.

Молодой воин разливал что-то жидкое по чашкам, расставляя их перед каждым. Я принял. Это оказалась уха. В супе плавали куски рыбы, пряности и ломтики корнеплодов — аромат был густой, острый, почти обжигающий. На столе появились тарелки с закусками, корнеплодами и лепёшками, напоминавшими хлеб.

Я потянулся к рюкзаку и достал комплект столовых приборов — нож, вилку и ложку. Все присутствующие с любопытством наблюдали за мной, а я — за ними. Мне было интересно, чем они станут есть : привычных столовых приборов на столе не было.

Воины достали из небольших сумок на поясе свои черпачки — каждый свой, выточенный у кого из раковины, у кого из кости. Одни были искусно обработаны и отполированы, другие — довольно грубые. Стало ясно: эти простые предметы, как и кольчуги, прямо указывали на социальный статус владельца.

У Аллолио черпачок был из кости — аккуратно выточенный, гладкий, явно не первый год служивший хозяину. Он достал ещё один такой же и протянул мне. Я в ответ показал ему свои приборы. Аллолио одобрительно кивнул — мол, пусть будет по-твоему, если хочешь.

Еда оказалась пряной и острой, но вкус мне понравился. Я попробовал понемногу всё, что стояло на столе, под одобрительные возгласы стражников. Казалось, им было приятно,

что чужак не морщится и не отказывается.

Когда обед закончился, Аллолио отвёл меня в небольшую жилую башню. Внутри была та же винтовая лестница, что и в сторожевой, — она вела на второй этаж, где в коридор выходило несколько дверей. Он открыл одну из них: за ней оказалась небольшая комнатка с подобием лежанки — простой тюфяк на деревянном настиле.

Аллолио сделал мне знак, и я вышел за ним на улицу. Мы обогнули башню, и в самом углу двора оказался самый настоящий нужник. Честно говоря, он пришёлся очень кстати.

Большой диск солнца уже скрылся в море, и наступили сумерки. Но полной темноты не наступило: второе, меньшее светило всё ещё держалось над горизонтом, окрашивая небо в бледносеребристый оттенок — получалась своего рода белая ночь.

Я вернулся в отведённую мне комнатку и устало растянулся на тюфяке, подложив кулак под голову. Привычно открыл планшет — и на секунду мир будто стих. Мне показалось, я целую вечность не видел любимых лиц. Они улыбались, будто ничего не случилось, будто где-то там всё по-прежнему спокойно. Я задержал дыхание, стараясь удержать эту картинку, пока экран не погаснет. За дверью остался один охранник; ещё какое-то время я слышал его шаги по каменному полу, но вскоре сон сморил меня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.